

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

театральная мозаика

1 ИЮЛЬ 1980

ПРАЗДНИК КОМЕДИИ

Меня давно удивляло отсутствие имени А. Н. Островского в афише Большого драматического театра, а ныне, появившись в ней, оно побуждает к новым размышлениям о режиссерском таланте Г. Товстоногова, об уровне и характере мастерства возглавляемой им труппы.

«Волки и овцы» — одна из самых значительных комедий Островского, в прошлом неизменно украшавшая лучшие наши сцены, и Товстоногову, на мой взгляд, удалось поставить яркий, веселый, исторически достоверный, при этом современно звучащий спектакль. Великолепно — художественное оформление Э. Кочергина, выдержанное в стиле провинциальной роскоши той эпохи. Постановщик, как мне кажется, сумел по-новому взглянуть на Островского.

Спектакль играет как «театр в театре», с вводом утрированных музыкальных сопровождений, опереточно-балетных дивертисментов, пародийно дублирующих важнейшие сюжетные ходы спектакля, и с фигурой суфлера, который шепотом, отлученно слышимым всему залу, напоминает тому или иному герою, как тот должен вести себя в критический для него момент. Той же цели служит галантно-гротесковая фигура дирижера. В результате действующие лица пародируют сами себя. Поэтому «волки» у Товстоногова совсем не страшны, «овцы» же не вызывают к себе ни жалости, ни сострадания.

Несколько отходя от Островского в конкретной характеристике ряда действующих лиц, Товстоногов тем не менее находится в полном согласии с его идейно-эстетическими установками. А ведь бывали случаи, когда режиссеры вступали в прямую полемику с автором. Так, один из виднейших наших театральных критиков, откликаясь на постановку молодым Ю. Завадским «Волков и овец», похвалил режиссера за то, что в спектакле «срывались маски с героев Островского».

Действительно, часто бытует мнение, что, дескать, в целях утешительности Островский прибегает к сознательному приукрашиванию неприглядных действующих лиц своих комедий. Это в корне ошибочно. Тут уместно напомнить одно замечание, сделанное Н. Г. Чернышевским в статье о «Губернских очерках» М. Е. Салты-

кова-Щедрина: «Читатели, по всей вероятности, разочарованы в своих предположениях содержанием нашей статьи. Читатели, вероятно, ожидали, что по поводу книги Щедрина мы будем говорить об общественных вопросах». На самом же деле Чернышевский не только не обошел их, но и углубил раскрытие смысла щедринской сатиры. Назначение ее состояло в изображении не черных злодеев, но обыкновенных людей, испорченных общественными отношениями. По мнению Чернышевского, сатирику следует защищать человеческую природу, выводя на сцену и тех, кто рождает ее достоинство. Таков был Гоголь, добавляет он, а мы можем добавить к этому, что Островский в этом отношении — вернейший ученик и последователь Гоголя. Товстоногов переводит социальное обличение его героев в план их нравственного саморазоблачения, подчеркивает признание ими собственной нравственной несостоятельности.

В каждом своем спектакле Товстоногов ищет основную тему, его, так сказать, лейтмотив. В «Волках и овцах» таким лейтмотивом оказался страх всех действующих лиц перед неизбежным крахом. Этот спектакль получился удивительно цельным и гармоничным. В нем разыгрываются несколько поединков на сюжет — столкновение «волка» и «овцы». Они поражают своим сходством и, следовательно, многообразием. У Товстоногова — от превращения «волка» в «овцу» буквально один шаг. Становясь овцой, волк при этом будто не испытывает никакого замешательства. Как только Беркутов уличил Мурзавецкую в подлогах и мошенничестве, она с необычайной легкостью записала себя в число его лучших друзей. Хотя вряд ли Беркутов будет водить с ней компанию, но все-таки она может понадобиться. Вообще этот эпизод наводит на мысль, что тема спектакля — не столько даже лицемерие, сколько почти животная приспособляемость этих людей.

Особое, неожиданно значительное место заняла в спектакле история обольщения Лыньева Глафирой. Еще в недалеком прошлом театр отодвигал ее на задворки, у Товстоногова же она едва ли не на первом плане. В этом спектакле Глафира (Е. Попова) не опасная

буржуазная хищница, а в своем роде извечный образ молодой обольстительницы, которая, пользуясь своей привлекательной внешностью, занята погоней за «красивой жизнью». Глафира уже вкусила от ее плодов Лыньев (О. Басилашвили) для нее оказался самой подходящей добычей. В нем тоже нетрудно увидеть столь же устойчивый тип увальня, при достаточных средствах более всего дорожащего своей вольной жизнью, но решительно не способного постоять за нее.

«Волки и овцы», рисуящие яркую картину быта России 70-х годов, еще не освободившейся от крепостнических пережитков, своим острием направлены на изобличение распада нравов, столь характерного для той эпохи. Не забудем, что пьесу эту Островский писал в годы окончания Толстым «Анны Карениной» и написания Достоевским «Подружка». Для той эпохи типичными стали люди усталые и надломленные, как раз представляющие верхние слои общества, прежде всего дворянство. Таков Беркутов (В. Стрельчик). Его принято считать таким законником, он и в самом деле много рассуждает о законности. Но ведь он только изобличил Мурзавецкую (Э. Попова), а не посадил на скамью подсудимых. Да и изобличал он ее в собственных интересах. Он, конечно, «столичная штука», тем не менее ищет себе надежное пристанище в глухом углу, чтобы иметь возможность роскошно дожить свой век.

«Волки и овцы» Товстоногова ощутимо связаны с его «Мещанами» и «Ревизором». через «своего» Горького и Гоголя он шел к «своему» же Островскому. Если в «Мещанах» преобладает мировоззренческо-идеологический пафос, а в «Ревизоре» — философско-сатирический, то в «Волках и овцах» определяющей является этическая нота.

Г. Товстоногов осуществил свой великолепный замысел, соединив его в одно целое с блистательными творческими усилиями актеров, удивляющих точностью и вместе с тем импровизационной легкостью игры. Все это превращает спектакль в зрелище увлекательное и радостное.

В. БУРСОВ,
доктор филологических наук.